

Внешняя политика

Отдельная и очень серьезная проблема состояла в сохранении и укреплении международного положения и авторитета Московского государства, во главе которого стоял малолетний номинальный правитель при регентстве женщины, в условиях острых интриг и непрерывных раздоров при дворе. Традиционно тяжелыми оставались взаимоотношения с Великим княжеством Литовским, главным конкурентом Московии в деле собирания наследства Рюриковичей. Больших различий между двумя государствами не существовало, поэтому не только боярство, но и все население Российского государства не воспринимало Литву как границу. Частые отъезды князей из Литвы в Москву и обратно объяснялись вовсе не усилением либо ослаблением их патриотических чувств, а скорее стремлением воспользоваться постоянно меняющейся конъюнктурой при дворе для карьерного роста

Слокенбекский замок (Великое княжество Литовское XIII—XV вв.)

либо выразить свою оппозиционность тому или ному правителю. Несмотря на положительную для Московии динамику войн и переселений конца XV — начала XVI в., с воцарением малолетнего правителя и приходом к власти недавней подданной литовского князя ситуация могла измениться самым неожиданным образом.

Пограничное и приграничное боярство, мелкие удельные князья крайне отрицательно отнеслись к многочисленным опалам, ссылкам и казням при дворе. Конечно, активное участие в свержении крупнейших сановников могло привести к серьезному возвышению (что удалось, например, князю Овчине-Телепневу-Оболенскому), однако занять хоть сколько-нибудь значимую позицию в московских партиях при дворе не представлялось возможным. В то же время в случае неудачного выбора стороны конфискация имущества и горькая доля изгнанника были обеспечены любому.

В Литве же один слабый монарх сменял другого, роль аристократии при этом неуклонно росла, что впоследствии привело к возникновению знаменитой шляхетской Речи Посполитой. Временное перемирие, заключенное еще при Василии III, через несколько лет должно было потерять свою силу, Московию и Литву вновь ждал спор за смоленские, северские и киевские земли. Правительству Елены Глинской предстояло обеспечить не только лояльность русских «княжат» из Великого княжества Литовского (потомков двух княжеских родов — Рюриковичей и Гедиминовичей), но и верность бояр, сравнительно недавно (почти одновременно с Глинскими) выбравших в качестве сюзерена Московию вместо Литвы.

В царствование Елены в Литву бежали знатные бояре Бельский и Лятцкий, которые рассчитывали возглавить одно из войск, готовившееся против западного соседа. Позже Бельский несколько лет пытался собрать коалицию иностранных держав для борьбы против Московии. Российское государство не раз оказывалось в ситуации войны на два, а то и на три фронта. Если отношения с Ливонией и Швецией удалось укрепить с помощью договоров на условиях сохранения *status quo* на достаточно долгий (17 лет) срок, то на юго-восточных рубежах угроза войны нарастала с каждым часом.

К моменту смерти Василия III между Московией и Литвой действовало заключенное на один год перемирие. В 1534 г. литовский князь и король польский Сигизмунд I попытался угрозами вернуть себе территории, завоеванные Василием III, однако все его требования встретили решительный отказ. Боевые действия возобновились, литовские отряды напали на российские приграничные города Стародуб и Радогощ. Одержав первые победы, литовцы атаковали Чернигов, однако взять более крупные города не смогли. Крымский хан не оправдал ожиданий Сигизмунда и не смог организовать достаточно серьезное нападение на Москву.

Наступление литовцев окончательно остановилось. Наиболее крупный их успех за всю войну — взятие практически беззащитного Гомеля. Однако и московское генеральное наступление на Вильно (с двух сторон — от Смоленска и от Великих Лук) под командованием фаворита Елены Глинской не увенчалось сколько-нибудь существенной победой. Московия только начала укрепляться в районе Себежского озера, основав ряд новых крепостей — Себеж, Велиж и Заволочье и подготавливая, таким образом, плацдарм для дальнейшего наступления на полоцкие и литовские земли. Без-

Польский король Сигизмунд I
(с гравюры XVI в.)

Политическая карта Европы первой половины XVI в.

результатность русского наступления во многом объясняется распрями и бездействием русских военачальников-бояр, для которых это обернулось опалой и репрессиями.

Сигизмунд никогда не проявлял себя дальновидным и расчетливым правителем, проблемы собственно Литвы по сравнению с родной Польшей его мало волновали. Убедившись, что малолетство номинального правителя Московии почти не изменило соотношения сил между враждующими государствами, а потенциальный союзник не желает серьезно воевать против России, ограничиваясь незначительными грабежами, великий князь литовский в 1536 г. предложил Московии мирные переговоры.

Его единственное условие: Москва должна прислать своих послов на территорию Польши, признавая тем самым, что нуждается в мире именно она. Но поскольку исход войны не был определен да и международная обстановка заметно менялась в пользу Москвы (крымский хан начал переговоры с русскими о мире и союзе; Елена Глинская удачно возобновила контакты со Священной Римской империей и Венгрией и готовила антипольскую коалицию в Европе), Сигизмунд сам прислал гонцов с просьбой о перемирии. Не желая ослож-

нять перемирие тяжелыми вопросами выдачи изгнанников, он арестовал нескольких беглых из Московии бояр, а Бельского выслал в Османскую империю.

Переговоры традиционно начались с выдвижения невыполнимых требований каждой из сторон. Литва, как обычно, претендовала на Новгород и Псков, Москва — на Киев и другие земли бывшей Древней Руси. После подобных деклараций переговорщики приступили к более конструктивному обсуждению условий перемирия, которое и заключили в 1537 г. Срок договора составил пять лет, сторонам удалось удержать часть захваченных ими земель. Литва вернула себе Гомель, потерянный еще при Василии III, однако отказалась от некоторых пограничных северских городов. Московия отдала захваченные в Белоруссии города, однако отстояла Смоленск, а также сохранила недавно основанные крепости в Себежском крае. Это было невыгодно по Литве, так как она потеряла принципиально важную местность для обороны Витебска и Полоцка.

В этой войне Московия могла бы добиться большего успеха, если бы ее правители были более уверены в устойчивости своей власти. Косвенное подтверждение преимущества Московии в этой войне — поведение Бельского, который в 1536—1537 гг. от сколачивания антимосковской коалиции перешел к поиску путей безопасного возвращения на родину и начал активные переговоры с Еленой Глинской, не приведшие, правда, к каким-либо результатам. Дальнейшая история взаимоотношений Литвы и Московии показывает, что эта война оконча-

Псковский кремль (XIV—XV вв.)

тельно похоронила надежды Литвы справиться с восточным соседом или хотя бы противостоять ему на равных. Сигизмунд больше не нарушал перемирия до конца своей жизни. Последовавшее за этой войной затишье считается беспрецедентным по продолжительности во всей истории литовско-русских отношений.

Пользуясь политическим вакуумом, возникшим после кончины великого князя Василия, державшего под контролем остатки Золотой Орды, Крым попытался заново воссоздать татарский фронт против Руси. Крымские ханы, бывшие долгое время союзниками крепнущей Московии, предъявили претензии на Казань, при Василии III фактически попавшую под русский протекторат. Постоянное вмешательство русских в казанские междоусобицы, участие в дворцовых переворотах уже давно вызывали у Гиреев раздражение. Крымский хан потребовал от Москвы в качестве необходимого условия мира (и уж тем более — антилитовского союза) признать его суверенитет над Казанью и прекратить поддерживать свергнутого казанского хана Шигалея. Московские бояре отказались на том основании, что Казань никогда Крыму не принадлежала и возвращать ее кому-либо Московия не обязана. В 1537–1538 гг. казанский хан совершил ряд набегов на приволжские города, в том числе на Нижний Новгород. Периодически заключаемые мирные договоры Москвы с Казанью и принимаемые татарской стороной обязательства всякий раз нарушались. Они и не могли быть выполнены в условиях борьбы разных партий в Казани и прочной зависимости этого ханства от такого источника доходов, как грабежи и захват пленных.

Размежевание татар на сторонников Москвы и тех, кто настаивал на беспощадной борьбе с неверными, продолжалось. Партию войны возглавляли представители крымской династии Гиреев, которые не скрывали своих намерений воссоединиться с Крымским ханством и даже признать вассальную зависимость от турецкого султана. Угроза разорения для «глубокого тыла» России — Нижнего Новгорода, Костромы, Вятки, мордовских земель — сохранялась.

Борьба претендентов на крымский трон сохраняла у правительства Елены Глинской надежду на то, что, вовремя поддержав мятежного царевича Ислама, оно обеспечит себе в бу-

дущем верного, надежного союзника в Крыму. Но царевич, даже еще не захватив власть, потребовал от Москвы безусловной ориентации на крымские внешнеполитические задачи (пункт в договоре «кто не друг князю, а мне друг, тот и князю друг» [3]) и признания малолетним Иваном старшинства Ислама (в переводе «с дипломатического языка» это означало бы фактический отказ от самостоятельной политики). Соперник Ислама Саип-Гирей обратился за помощью к турецкому султану и получил ее. На некоторое время Крым отвлекся на междоусобную войну и активно вмешиваться в отношения между Московией и Литвой не мог. Впрочем, Московия постоянно была настороже, большая часть русского войска располагалась на южных рубежах, готовая к отражению крымских набегов. Когда ситуация в Литве требовала срочного привлечения дополнительных сил, армия выдвигалась на запад, но нерешительно действовавшее правительство часто возвращало войска назад, так и не воспользовавшись их возможностями. Ислам погиб в одной из стычек с ногаями, а победивший в противостоянии крымских претендентов Саип-Гирей, к которому примкнул беглый князь Бельский, после долгих переговоров решил сохранить в отношениях с Московией *status quo* при условии, что она признает воцарение в Казани династии Гиреев.

Елена Глинская согласилась. Возмездие за набеги казанцев потеряло свою актуальность, хотя на тот момент обещало очень серьезные результаты: незадолго до этого вторгшиеся на русские территории татарские войска были разгромлены, и инициатива в войне перешла к московским ратям. Осторожность правительницы, возможно, вызвана не только осознанием собственной неготовности к окончательному решению казанской проблемы, но и желанием перед экспансией закрепить на уже завоеванных землях.

За годы регентства на восточном направлении было основано несколько новых городов, символизирующих окончательное вхождение поволжских земель в Московию. В Костромском уезде построен город Буй, мещерские и мордовские земли укреплены крепостью Мокшан (позднее — Наровчат), в незащищенном посаде основана крепость Балахна (ныне — на территории Нижегородской области), отстроен рязанский город Пронск. Правительство Елены Глинской проводи-

Собор Покрова Пресвятой Богородицы в Наровчате (XVI—XVII вв.)

Елены поспешно отправили в Вознесенский монастырь для захоронения.

Появились упорные слухи о том, что царицу отравили. Барон Сигизмунд Герберштейн, оставивший записки о Московском государстве (по общему мнению — лучшее из иностранных сочинений того времени о России), прямо настаивает на этой версии.

Елена, сама слывшая отравительницей, едва ли не колдуньей, всегда считавшаяся московскими боярами иностранкой, к их большому удовлетворению умерла. Появилась возможность восстановить боярское правление согласно воле покойного Василия III. Глубокий траур по усопшей носил только ее любовник князь Овчина-Телепнев-Оболенский, который понимал, что отношение к нему бояр не обещает ничего хорошего. Впоследствии Елену Глинскую не раз изображали талантливой правительницей. Для России годы ее правления оказались удачными: проведены хоть и не масштабные, но необходимые реформы; взяты новые города; войны закончились победами (во всяком случае — не поражениями); серьезных катаклизмов ни во внешних, ни во внутренних делах не случилось; дипломаты добились ощутимых результатов.

Для боярства годы регентства Елены Глинской стали временем постоянной тревоги и опасных перемен в привычной

ло целенаправленную политику по укреплению слабо защищенной восточной окраины, вероятно заранее готовясь к возможному неудачному исходу борьбы за контроль над Казанью.

3 апреля 1538 г. Елена Глинская, по свидетельству историков, неожиданно умерла по неизвестной причине. Для малолетнего Ивана потеря любимой матери, которой к тому времени исполнилось 26 лет, была трагедией, отца он почти не помнил. Бояре организовали похороны без траурных церемоний и печали, тело

и традиционной расстановке сил. Бояре ненавидели регентшу и ее фаворита, не считая их равней именитой и знатной московской элите, но при этом чувствуя их власть над боярами, их жизнями, имуществом и карьерой. У уцелевших сподвижников Василия III появилась перспектива долгожданной мести за лишения и опалу, надежда на восстановление могущества старой московской знати. Судьба малолетнего Ивана, его отношение к происходящим вокруг него событиям и уж тем более его планы никого не интересовали, да и не могли интересовать.